

Первухин М. Два Чехова // Слово (Рига). 1926. 17 октября.
№ 301. С. 2.

Два Чехова.

Мих. Первухинъ.

Въ связи съ постановкой чеховскихъ «Трехъ сестеръ» въ Русской Драмѣ — особый интересъ приобретаетъ, какъ всегда, изящный и мягкій очеркъ нашего сотрудника, известнаго писателя, М. К. Первухина объ его первой встрѣчѣ съ А. П. Чеховымъ.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Чехова въ Ялтѣ, въ началѣ 1900 года, на званыхъ въ домѣ моего школьнаго товарища, С. В. Дзюбы, подучившагося студента рижскаго политехникума, который на годъ или полтора раньше меня поселился, подъ предлогомъ болѣзни, на южномъ берегу Крыма, обзаведясь въ Ялтѣ бойко пошедшею «художественною» фотографіею «Югъ», и, будучи человекомъ весьма общительнымъ, приобрѣлъ обширныя знакомства.

Вотъ, этотъ самый Дзюба, а вмѣстѣ съ нимъ и известная «чеховка», богатая вдовца казанскаго врача и земца, Софья Павловна Бонье, отъ нечего дѣлать занимавшаяся въ Ялтѣ, по мѣрѣ возможности, маленькимъ меценатствомъ, — они тянули меня къ Чехову съ перваго же дня моего поселенія въ Ялтѣ, — то есть, съ начала декабря 1899 года.

Знакомство съ Чеховымъ... Тутъ серьезнымъ препятствіемъ явилось мое, пожалуй,

болѣзненное самолюбіе: невыносимой была мысль, что Чеховъ, сдѣлавшись центромъ своеобразнаго идолопоклонничества, можетъ подумать, будто я, начинающій писатель, ищу его высокаго покровительства, пытаюсь использовать въ своихъ выгодахъ его обширныя связи и его вліяніе. «Идти познаться» — да. «Идти на поклонъ» — нѣтъ!

Такъ прошло больше мѣсяца. Промелькнули зимнія святки. Повѣяло раннею южнобережскою весною. И, вотъ, однажды С. Дзюба, вѣчно носившійся, какъ угорѣлый, по Ялтѣ, забѣжалъ ко мнѣ:

— Оказывается, Чеховъ хорошо знаетъ тебя.

— Едва ли...

— Да нѣтъ же! И не только знаетъ, но и цѣнитъ! Говоритъ, что считаетъ тебя изъ литературной молодежи однимъ изъ многообещающихъ!

— Кому онъ это говорилъ?

— Софья Павловна Бонье говорила. И мнѣ говорила...

— Врешь ты, по обыкновенію, Сережка!

— Ей-Богу же, не вру, да и Софья Павловна подтвердитъ! Можешь ее самъ спросить!

— Да откуда же Чехову знать меня!

— Какъ это — откуда?! Вѣдь, ты же работаешь въ какой-то ростовской газетѣ? Ну, а Антонъ Павловичъ, какъ уроженецъ Таганрога, поддерживаетъ связь съ родными краями, слѣдитъ за печатью. Постой! Припомни: ты тамъ недавно напечаталъ какіе-то «Очерки изъ жизни украинцевъ», или что-то въ этомъ родѣ...

— Напечаталъ! Дальше!

— Ну, эти «очерки» Антону Павловичу очень понравились! И... и представь себѣ: узнавъ, что мы собираемся на этихъ дняхъ устроить блины, и ты, конечно, будешь у насъ, Чеховъ самъ напросился къ намъ!

— Кстати, — говоритъ, — у васъ познакомлюсь съ Первухинымъ. А то его, кажется, къ себѣ не заманишь: личится!

Блины были устроены. Знакомство состоялось.

Блины, какъ таковые, оказались изъ рукъ вонъ плохими, ибо Елена Петровна, супруга Дзюбы, была горе-хозяйкою. Знакомство съ Чеховымъ оказалось чѣмъ-то очень ужъ похожимъ на то, чѣмъ, обязательно, бываетъ «первый блинъ», оказывающійся «скомомъ».

Словно сто тысячъ блесковъ вселилось въ «Никса» и «Пунсу», набалованныхъ дѣтей без-

путнаго Дзюбы. Онъ позволялъ шумную возню, а при малѣйшей попыткѣ ихъ унять — начинали реветь благимъ матомъ. Чеховъ почему-то заповѣдалъ, а когда пришелъ, то сразу стало видно, что онъ — въ дурномъ настроеніи. Позже это «дурное настроеніе» начало какъ будто испаряться, но словно на грѣхъ ввалились какія-то немнѣрно напоро и крикливо одѣтые и крикливо державшіяся курортныя дамы-щебетухи, гонявшіяся за «Антономъ Палычемъ» по пятамъ и прилипли къ нему. Растерявшаяся хозяйка оказалась безпомощною, и, пытаясь вести «умный разговоръ», горючила явную чушь, что заставляло Чехова болѣзненно морщиться.

Видя, что поговорить съ Чеховымъ толкомъ не удастся, я забился въ уголъ, и оттуда наблюдать его. И думалъ: — какъ мало онъ соответствуетъ тому представленію, которое я о немъ составилъ себѣ на основаніи его произведеній и рассказовъ близко знавшихъ людей.

Выше средняго роста, то, что называется «крупный мужчина» съ по своему красивымъ смуглымъ лицомъ. Черты лица — тоже крупные, рѣзкія, и даже нѣсколько грубоватыя. Темно-каштановые волосы, еще густые, зачесаны назадъ. Надо лбомъ — упрямый хохолокъ, придающій чуткою задорное выраженіе всему лицу. Но это выраженіе смѣшивалось съ другимъ — высокомернымъ почти надменнымъ.

Одѣтъ былъ Чеховъ не по-писательскій. — чуть-ли не элегантно. И все на немъ было нарочито солидное, добротное, явно дорогое, хотя немножко мѣшкомъ. И сидѣлъ онъ утрированно прямо, чуть откинувшись назадъ и строго поглядывая на окружающее сквозь стекла пенсы въ строгой стальной оправѣ, на толстомъ черномъ шнурѣ.

Елена Петровна Дзюба, ея супругъ, обѣ дамы-щебетухи и присоединившіяся къ нашему обществу уже послѣ обѣда молодой, вульгарно, по опереточному красивый и не въ мѣру развязный одесситъ грекъ художникъ Тахчи, приставали къ Чехову съ вопросами. Онъ отбѣчалъ по большей части отпосложно, сухо какъ будто небрежно, какъ иногда взрослые отвѣчаютъ дѣтямъ, съ трудомъ подавляя свое раздраженіе. За все время онъ улыбнулся, и то очень сдержанно, раза два или три. — когда одна изъ дамъ-щебетунь стала допытываться, что больше всего понравилось ему... въ Америкѣ.

— Но, вѣдь, я же тамъ не былъ!

— Какъ же такъ не былъ, разъ вы написали цѣлую книжку о какомъ-то мужикѣ или рабочемъ, который... который потомъ дѣлается миллионеромъ и женится на красавицѣ-артисткѣ?

— Ей-Богу, такой книги не писалъ, и даже не знаю, существуетъ ли она?!

— Но я же читала, читала! — стояла на своемъ дама. — Впрочемъ, кажется, это былъ только вашъ переводъ съ... американскаго...

— Клянусь честью, что «съ американскаго» никогда ничего не переводилъ, — болѣзненно поморщившись, заявилъ Чеховъ.

Подоспѣлъ обѣжавшій съ приѣма юркій, краснощекий и ясноглазый докторъ Бородинъ, въ тотъ періодъ бывшій въ Ялтѣ общимъ любимцемъ. Чеховъ немножко оттаялъ, сдѣлался словоохотливѣе. Но мои первыя уже не выдерживали. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что общее вниманіе было устремлено на новоприбывшаго гостя, — я потихоньку и незамѣтно для всѣхъ улизнулъ.

На другой день, къ вечеру, кто-то осторожно постучалъ въ мою дверь.

— Можно?

— Кто тамъ?

— Это, я, Чеховъ! Я вамъ не помѣшаю?

И, входя въ комнату, онъ сказалъ сразу завовавшимся меня тономъ:

— Ну, М. К., теперь давайте знакомиться по настоящему. И, надѣюсь, нашей бесѣдѣ не помѣшаетъ какая-нибудь милая дама, воображающая, будто существуетъ какой-то «американскій» языкъ...

Передо мною былъ совсѣмъ иной Чеховъ: простой, добродушный, милый въ обращеніи. Ничуть не чопорный, не накрахмаленный. Безъ тѣни высокомерія и надменности. «Свой человекъ».

— Чайкомъ не угостите ли? Я, простите, позволилъ себѣ вольность: принесъ печеній отъ Флорена и бутылку ликеру...

Усаживаясь за столъ у окна, какъ будто извиняющимся тономъ добавилъ:

— Воображаю, какимъ Навуходоносоромъ я вамъ вчера, у Дзюбы, показался?! А все-то штука въ томъ, что, съ одной стороны — вчера мнѣ сильно нездоровилось, ныли зубы, показывало полъ лѣвою лопаткою. Пришелъ въ дурномъ настроеніи, полъ впечатлѣніемъ огорчившихъ меня вѣстей объ одномъ пріятелѣ. А потомъ — не нашелъ надлежашаго тона съ перваго момента, за такъ и путался до конца. Вѣдь, представьте, я и по сѣдыхъ волосъ дожили, страдаю почти непобѣдимой застенчивостью!

Знаю: очень ужъ трудно этому поверить, но это такъ. Проклятая застенчивость иной разъ ставитъ и меня въ пренепріятное положеніе...